

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Вадим Викторович Долгов

*Профессор кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин Ижевского юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, доктор исторических наук, доцент
E-mail: dolgov@udm.ru*

Социально-экономическое и правовое положение вузовского преподавателя: к истории вопроса

Аннотация: в статье рассмотрена история изучения социально-экономического и правового положения вузовских преподавателей в современной России. Намечены основные этапы и перспективы развития исследований их статусных и правовых характеристик. Социальное положение преподавателей претерпело за последние десятилетия серьезные изменения. Общее направление этих изменений – снижение социального статуса преподавателей вузов. В статье обобщены результаты работы социальных философов, социологов, экономистов и правоведов.

Ключевые слова: преподаватель, социальная структура, право, экономика образования, университет.

Vadim Viktorovich Dolgov

Professor of the Humanitarian, Social-Economic, and Natural-Science Department of the Izhevsk Juridical Institute (the brunch) of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Doctor of History Science, Associate Professor

Social-Economic and Legal Status of a University Lecturer: Concerning the Case History

Annotation: the article is dedicated to the history of study of social-economic and legal status of university lecturers in Russia nowadays. The author points out main stages and perspectives of the development of researches concerning lecturers' status and legal characteristics. On the author's opinion social status of the lecturers changed greatly. Main direction of the changes is reduction of their social status. The article contains combined results of social philosophers, sociologists, economists, and legislators' researches.

Keywords: lecturer, social structure, law, economics of education, university.

Социальная структура – явление бесконечно изменчивое. Будучи элементом культуры, тесно связанным с общественным сознанием, социальная структура живет и развивается вместе с ней – как ее часть, по ее законам. Развиваясь, общество постоянно поставяет все новый и новый материал

для структурного анализа. Изучение социальной структуры относится к ряду вечных тем для социологии, истории права и для социогуманитарного знания в целом.

Темп общественных трансформаций исторически изменчив. Периоды бурных изменений сменяются периодами относительно устойчивого гомеостаза. По мнению многих наблюдателей, смотрящих как с позиций простых обывателей, так и сквозь призму науки, Россия на сегодняшний день в общих чертах завершила процессы структурной перестройки, начатые после распада СССР. Новое общество сложилось¹.

Более того, можно с уверенностью сказать, что сегодня общество как никогда нуждается в научной рефлексии, поскольку не только на обывательском, но даже на научном уровне не сформировалось устойчивого понимания того, как оно устроено. Общество напоминает человека, желающего после серьезной перипетии заглянуть в зеркало и понять, что с ним стало. Но «зеркала» нет. Это обстоятельство порождает социальную и, как следствие, правовую дезориентацию. Поэтому от релевантности социологических моделей зависит не только поступательное развитие науки, но и поступательное развитие общества как целого.

На уровне теорий среднего уровня работа уже начата. Однако создание широкого полотна социальной реальности обязательно должно базироваться на «низовых» эмпирических исследованиях. Чем их больше, тем лучше, тем точнее обобщение.

Поверхностный наблюдатель не обнаружит в формальных очертаниях группы вузовских преподавателей серьезных изменений за последние семьдесят лет. В отличие от стремительно сформировавшихся в постсоветском обществе новых социальных групп (предпринимателей, профессиональных политиков, криминала и пр.), вузовские преподаватели почти не изменили внешние характеристики своей социальной организации. Прежней осталась система государственных ученых степеней (кандидат наук, доктор наук), званий (доцент, профессор), организации трудового коллектива (институт, факультет, кафедра) и многое другое. Образ профессора или доцента кажется воплощением стабильности академического профессионального сообщества. Однако под внешней стабильностью скрываются серьезные социальные трансформации. И они столь же значительны, как и в российском обществе в целом.

Преподаватели вузов как социальная группа на сегодняшний день привлекают исключительное внимание исследователей. Однако общественные науки в разной степени продвинулись в разрешению обозначенной проблемы.

Пожалуй, более всего преуспели социальные философы и социологи. Причин тому несколько. Прежде всего, преподаватели — объект, удобный для работы, он всегда «под рукой». Общая эрудированность и высокий культурный уровень преподавателей упрощает вовлечение их в исследовательский процесс в качестве объекта. Эта утилитарная причина не является, конечно, главной, но имеет значение, если речь идет о квалификационных работах, выполняемых без серьезного финансирования. Не покидая университетских стен, ученый может проводить полноценное «полевое» исследование.

¹ См.: Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014. С. 3.

Однако есть причина существенно более глубокая. Она связана с функцией социологии как инструмента социального конструирования и рефлексии. Направляя исследовательский взгляд на вузовское и академическое сообщество, социолог вглядывается, в том числе, в себя самого, определяет свои социальные координаты, просчитывает возможные статусные позиции и варианты жизненных стратегий.

Вместе с тем, если говорить о нашей стране, работы на эту волнующую тему начали появляться относительно недавно. В рамках жесткой марксистской схемы научное осмысление статусно-правовых позиций вузовских преподавателей было невозможно. Их место в обществе (как место всей «советской интеллигенции») было определено Ленинской трактовкой интеллигенции как «прослойки» между классами¹. Классов в советском обществе, с точки зрения исторического материализма, было всего два: пролетариат и трудовое крестьянство. Интеллигенция в целом, и вузовские преподаватели в частности, оказывались «зажаты» между ними. Поскольку эта мыслительная конструкция была слабо связана с социальной повседневностью, вести работу по ее уточнению и детализации не имело смысла.

Ситуация начала меняться в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. — появились исследования, посвященные работе вузовских преподавателей, системе высшего образования в целом². Интерес к теме был обусловлен не только открывшимся в связи с перестройкой возможностями для свободного научного поиска, но и тем, что в обществе были запущены процессы трансформации, которые ощутимо изменили социальное самочувствие работников высших учебных заведений. В советском обществе профессора и доценты ощущали себя частью элиты: к этому располагали и высокие зарплаты, и высокий социальный престиж преподавательской работы. В начале 90-х гг. ситуация стала постепенно меняться. Поскольку преподаватели являлись высокосоциальной, склонной к рефлексии общественной группой, они на уровне повседневного мировосприятия очень остро ощущали эти изменения, что также служило стимулом к проведению социологических исследований³.

Впрочем, если говорить о праве приоритета, то первыми откликнулись на осмысление новых социальных процессов не социологи, а социальные философы. Такой путь развития исследовательской мысли был вполне закономерен. Создателями отечественной социологии на современном этапе выступили именно философы. На базе философских кафедр был открыт в 1989 г. социологический факультет в МГУ.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 16. С. 40.

² См.: Акопов Г. В. Социальная психология высшего образования. Самара, 1993; Гершунский Б. С. Философия образования. М., 1998; Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд. доп., испр. и перераб. М., 2000; Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психология высшей школы. Минск, 1978; Кан-Калик В. А., Никандров Н. Д. Педагогическое творчество. М., 1990; Коджаспирова Г. М. Культура профессионального самообразования педагога. М., 1994.

³ Остро ощущалось снижение уровня материальной обеспеченности в преподавательской среде. См.: Харчева В. Г., Шереги Ф. Э. Высшая школа в зеркале социологии // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 43.

Существенную роль в развитии социальных исследований в области высшего образования сыграла открывшаяся возможность сотрудничества с западными учеными. В 1992 г. отечественные ученые НИИ Высшего образования приняли участие в международном проекте «Обзор академических профессий», предложенном фондом Карнеги¹. В реализации проекта принимали участие многие страны мира: Великобритания, Нидерланды, Германия, Израиль, Бразилия, Мексика, США, Чили, Южная Корея и Япония. Проект представлял собой масштабный опрос, которому были подвергнуты представители академического сообщества всех вышеназванных стран. Интернациональным коллективом исследователей была разработана анкета, содержащая 72 вопроса, объединенных в пять основных разделов: условия работы, профессиональная деятельность, управление, международные измерения академической жизни, высшее образование и общество. В опросе приняли участие преподаватели вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Ростова-на-Дону и Челябинска. Полученные в ходе опроса данные оказались чрезвычайно интересными. Показательным оказалось уже то, что возврат анкет в России, находившейся в тот момент на переломе исторического пути, оказался очень невелик. Он составил лишь 434 анкеты из полутора тысяч, т. е. менее трети. Авторы исследования назвали в качестве причин этого и снижение уровня жизни, и моральную и социальную «усталость», и нерелевантность вопросов анкеты российским реалиям. Вместе с тем любопытной представляется высокая самооценка российских преподавателей в сравнении с их западными коллегами. Показательно весьма нигилистическое отношение к необходимости постоянно вести научную работу².

В том же году вышла в свет монография Н. С. Ладыжец, посвященная осмыслению феномена университетского образования в мировой культуре и российском обществе³. Начало девяностых стало временем глубоких организационных и правовых трансформаций высшей школы, и их анализ мы находим на страницах монографии. Но главная ценность книги в том, что все сиюминутные процессы были рассмотрены в философской перспективе, с позиции глобального осмысления сущности и функций высшего образования.

В 1996 г. была издана книга доктора философских наук А. Г. Эфендиева⁴, сыгравшая существенную роль в развитии исследований социальной группы преподавателей, а также ставшая методологическим образцом для многих последующих исследователей.

В это время к вопросу социологии высшего образования обращается ведущее социологическое издание СССР, а затем и современной России — журнал

¹ См.: Высшая школа России: научные исследования и передовой опыт : информ.-аналит. сборник. Вып. 12 : Социологический портрет преподавателя вуза: некоторые результаты международного обзора академических профессий / Гос. комитет РФ по высш. образованию. Науч.-исслед. ин-т высш. образования ; авт. текста: И. Г. Кухтина, Е. А. Залученова, В. Б. Лидова. М., 1995.

² См.: Там же. С. 2–17.

³ См.: *Ладыжец Н. С.* Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации. Ижевск, 1992.

⁴ См.: *Эфендиев А. Г.* Преподаватель московского вуза: социально-экономическое положение, проблемы, ожидания. М., 1996.

«Социологические исследования», в котором публикуется серия статей по вопросам социального положения вузовских преподавателей¹. Нужно сказать, что на тот момент ученые только в первом приближении нащупывали работающие методики исследования и те проблемные узлы, которым требуется уделить наибольшее внимание. Тем не менее ценность этих работ очень высока: в них удалось зафиксировать, прежде всего, ожидания студентов и преподавателей в тот момент, когда они еще стояли у самых истоков серьезных общественных трансформаций. Удалось зафиксировать взгляд в будущее, которое для нас является настоящим. Интересны, например, данные В. Г. Харчевой и Ф. Э. Шереги об отношении общества к введению платного образования. Мысль о платности довольно трудно завоевывала себе место в умах недавних советских граждан. По результатам опросов, если кто и должен платить за учебу, то разве только иностранцы и студенты из стран СНГ. Впрочем, исследователи отмечали увеличение числа сторонников платного образования, а также фиксировали весьма забавные с позиции сегодняшнего дня расчеты огромной массы студентов на государственные образовательные кредиты и даже «спонсорские деньги»².

К рубежу тысячелетий наука накопила достаточное количество первичных полевых исследований для того, чтобы можно было заняться более широкими обобщениями. Конец девяностых — первое десятилетие двухтысячных были отмечены появлением большого количества диссертаций, посвященных исследованию социального положения преподавателей³. В 1999 г. была защищена кандидатская диссертация Н. Б. Николукиной, в которой она подводит определенный итог развитию исследований в данной области⁴. Как в своих статьях⁵, так и в кандидатской диссертации она исследовала социально-профессиональные

¹ См.: Харчева В. Г., Шереги Ф. Э. Высшая школа в зеркале социологии // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 41–50; Шереги Ф. Э., Харчева В. Г. Социальные проблемы вузовской науки // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 76–81; Юпитов А. В., Зотов А. А. Исследование ситуации профессионального самоопределения студентов // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 84–92; Нечаев В. Я. Новые подходы в социологии образования // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 84–91; Шаронова С. А. Из истории развития социологии образования за рубежом // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 199–126.

² См.: Харчева В. Г., Шереги Ф. Э. Высшая школа в зеркале социологии // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 43.

³ См., напр.: Масалова Ю. А. Формирование мотивации профессорско-преподавательского состава вуза, ориентированной на качество образовательного процесса : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2006; Попова О. И. Имидж преподавателя вуза : проблема трансформации в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2007; Зотова И. Г. Социальная идентичность преподавателей современной высшей школы : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2011.

⁴ См.: Николукина Н. Б. Социальный портрет преподавателя провинциального вуза : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 1999.

⁵ См.: Ее же. О некоторых результатах социологического исследования социального портрета вузовского преподавателя тамбовской области // Вестник ТГУ. Вып. 2. 2000. С. 43–45; Ее же. Профессионально-педагогические и социально-психологические особенности деятельности вузовского преподавателя // Вестник Тамбовск. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2001. № 3/4. С. 14–16.

статусные позиции преподавателей вузов при помощи понятия «социальный портрет». Несмотря на то что Н. Б. Николюкина строила свое исследование на базе социологического научно-терминологического аппарата, диссертация ее защищена как работа по философии.

В 1997 г. была издана коллективная обобщающая монография «Социология образования: прикладные исследования»¹, содержащая результаты серии эмпирических исследований в области российского общего среднего и высшего профессионального образования. Книга, в основном, интересна содержащимся в ней обширным статистическим материалом, фиксирующим состояние общества конца 90-х гг. прошлого столетия. Однако есть в ней и немало интересных обобщений (пусть и не глобального уровня). Так, например, показана, в общем-то, очевидная, но долгое время игнорируемая взаимосвязь между стремительным уменьшением количества молодых ученых во всех отраслях науки и практикой «задержки» руководителей на своих постах².

Конец первого десятилетия XXI в. существенно изменил характер исследований. Социальная структура, трансформация которой началась в конце прошлого века, пришла, наконец, в относительно стабильное состояние. В связи с этим появилась возможность оценивать не только социальные настроения и ожидания, но и насущную реальность, новые социальные структуры и новые системы социальной стратификации. Кроме того, прошедшие десятилетия вооружили ученых новыми методами исследования и существенно расширили научный кругозор.

Одно из наиболее интересных исследований, посвященных тому, к чему пришла система высшей школы после продолжительных реформ — статья пермского профессора О. Л. Лейбовича, опубликованная журналом «Высшее образование в России» в 2007 г.³ В небольшой по объему работе раскрыты все основные черты трансформаций, которые пришлось претерпеть вузовскому преподавателю (условному «доценту») в ходе превращения страны из социалистической в современную, капиталистическую.

Во-первых, О. Л. Лейбович весьма афористично, с юмором показывает глубокую разницу между положением «доцента» в советском обществе, в котором вузовские преподаватели относились к элите, ясно осознавали свое статусное превосходство, и «доцентом» современным, пополнившим ряды «новых бедных», «нищих бюджетников».

Во-вторых, помимо констатации явных очевидностей, в работе раскрыты внутренние движущие силы видимых наблюдателю и участникам процесса трансформаций. В статье показано, что трудности, с которыми сталкивается современный вузовский преподаватель (нерадивость студентов, конфликты с начальством, низкая зарплата) — не просто личные недоразумения, а свидетельство глубоких структурно-функциональных сдвигов. Просветительский

¹ См.: Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В. Социология образования: прикладные исследования. М., 1997.

² См.: Там же. С. 133.

³ См.: Лейбович О. Л. Преподаватель вуза: кризис идентичности // Высшее образование в России. 2007. № 2. С. 49–61.

проект, реализовывавшийся советской образовательной системой, базировался на официальном признании ценности знаний, уважения к специалисту и пр. Современный этап автор характеризует как эпоху первоначального накопления капитала, для которой характерна ведущая роль экономической модели, ориентированной на извлечение быстрой прибыли, для чего вузовская система оказалась плохо приспособлена. Во всяком случае, востребованы оказались не те структурно-функциональные элементы, которые раньше мыслились основными. О. Л. Лейбович выделяет несколько типичных жизненных стратегий, которые вынужден реализовывать современный «доцент», показывает, как изменились функции «доцента» в аудитории и в обществе.

Экономическая наука также дает немало интересного как для понимания социальных процессов, происходящих в образовании, так и для оценки трансформации социальных ролей, действующих в этой сфере факторов. В 2008 г. была опубликована статья А. Г. Эфендиева и К. В. Решетниковой «Человеческий и образовательный капитал преподавателей вузов»¹. Исследование построено на прочном статистическом фундаменте. Однако особый интерес вызывают концептуальные построения авторов. Помимо отмечаемого многими исследователями падения социального престижа и уровня материальной обеспеченности преподавателей высшей школы, они выделяют опасные трансформации в укоренившейся базовой поведенческой модели условного отечественного «доцента». «Реальная практика деятельности преподавателя российского вуза сформировалась под влиянием многих факторов и процессов, но, так или иначе, все это слилось, спрессовалось в представлениях о том, каким должен быть современный российский преподаватель вуза. Именно эти представления выступают нормой, на которую ориентируется рядовой преподаватель вуза. Поэтому для нас важно понять, какой конвенционально-ролевой образец профессиональной деятельности сложился в сознании наших коллег. В этом виделся один из ключевых моментов нашего исследования»², — отмечают авторы. Этот конвенционально-ролевой образец вызывает у авторов наибольшую тревогу. Дело не в том, что современный российский вузовский преподаватель не занимается наукой — этому могут быть веские причины, дело в том, что такое положение стало восприниматься как нормальное, т. е. даже при улучшении материального положения надежды на исправление ситуации не остается.

Другая немаловажная проблема, лежащая в экономической сфере, причем, в сфере не только практики, но и экономической теории: преподавателями очень болезненно был воспринят процесс «превращения» системы образования из поля социального служения в сферу услуг. Настойчивое продвижение этой идеи в прессе и на уровне практики вузовского администрирования рождает в среде преподавателей две основных поведенческих реакции: преподаватель либо превращается в угодливого беспринципного «халтурщика»,

¹ См.: Эфендиев А. Г., Решетникова К. В. Человеческий и образовательный капитал преподавателей вузов // Экономика образования. 2008. № 4. С. 65–87.

² Там же. С. 75.

готового ради зарплаты ставить положительные оценки без реальной проверки знаний, либо в конфликтного неконформиста, чей трудовой путь рано или поздно заканчивается увольнением.

Между тем при правильном понимании сути явления ситуацию можно было бы исправить. Качественный анализ этой ситуации дан петербургским экономистом И. Д. Котляровым (ГУ ВШЭ), показавшим, что образование, в самом деле, должно определяться в строгих экономических терминах как услуга. Однако услуга совершенно особого рода. Коммерческая составляющая не является для нее определяющей. Главная функция — социальная, строящаяся на основе социальной солидарности. «Ползучая коммерциализация» привела к искажению сервисной составляющей этих услуг¹.

На сегодняшний день работа продолжается в двух направлениях. Во-первых, исследователи изыскивают все новые и новые теоретические ракурсы. Пристально изучаются гендерные, возрастные, региональные особенности социального положения вузовских преподавателей². Во-вторых, собирается новый эмпирический материал, проводятся социологические «срезы», позволяющие понять современное состояние общества и увидеть траекторию его развития.

С нормативно-правовой точки зрения характеристики социальной группы вузовских преподавателей изучены довольно слабо. Между тем проблем перед наукой правовое положение условного «доцента» ставит много.

Неопределенными до сегодняшнего дня остаются даже фундаментальные характеристики положения вузовского преподавателя. Является ли преподаватель должностным лицом? Проблема эта выходит далеко за пределы отвлеченных академических умствований: ни для кого не секрет, что в общественном мнении закрепилось представление о вузовских преподавателях как о взяточниках. В этом отношении с преподавателями могут сравниться разве что врачи. Если судить по широте общественного резонанса, то можно подумать, что именно учителя и врачи разворовали всю Россию. Между тем многие исследователи отмечают, что назвать преподавателя «должностным лицом» можно лишь с большой натяжкой³. Можно ли считать плату, которую получает преподаватель за нечестно поставленную оценку, именно «взяткой»? Не должно ли рассматриваться такое деяние как «коммерческий подкуп»? Единого мнения до сих пор нет. В науке идут жаркие споры⁴.

¹ См.: *Котляров И. Д.* Негативные следствия роста экономики услуг // Известия ВУЗов. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. 2013. № 2. С. 83–90.

² См.: *Дадаева Т. М.* Социально-профессиональный статус преподавателей вуза: гендерный аспект // Интеграция образования. 2013. № 3. С. 85–89; *Ильдарханова Ч. И.* Освоение профессиональной роли молодыми преподавателями: к проблеме обеспеченности вузов квалифицированными кадрами // Высшее образование для XXI века : IV международная научная конференция. М., 2007. С. 38–41; *Ее же.* Молодой преподаватель российского вуза: особенности социального статуса. Казань, 2008.

³ См.: *Плохов С. В.* Преподаватель как субъект должностных преступлений // Законность. 2012. № 4. С. 60–65.

⁴ См.: *Воронин В. В.* Педагог и врач как субъекты получения взятки: взгляд против // Уголовный процесс. 2005. № 9. С. 11–15; *Панченко П. Н.* Коррупция в образовательных учреждениях: составы преступлений и соотношение с преступными деяниями // Уголовное право. 2005. № 2. С. 52–55.

На практике же вопрос решается отнюдь не в пользу преподавателей. Причины этого понятны: рядовой доцент, в отличие от крупного государственного чиновника-взяточника, добыча легкая. Вряд ли такую ситуацию можно назвать удовлетворительной.

Нет никакого сомнения в том, что преподавательская деятельность открывает некоторые (порой, весьма широкие) возможности для злоупотреблений. Борьба с мздоимством в вузовских стенах нужно непримиримо, вполне логично было бы назвать его именно взяточничеством. Однако необходимо прописать это четким юридическим языком на уровне законодательства. Таким образом будет ликвидирован недочет, считающийся серьезнейшим в любой системе законов – возможность разночтений.

Не менее сложную задачу для юридической науки составляет проблема плагиата в научных работах. В этой сфере деятельность энтузиастов, создателей проекта «Диссернет», витает в правовом вакууме и не имеет никаких масштабных последствий и «оргвыводов». Ученые обсуждают проблему на уровне морально-этических стандартов¹. Между тем ясно, что на правовом уровне эта проблема должна рассматриваться как составная часть проблемы авторского права. Как известно, именно эта область права у нас в стране до сегодняшнего дня остается неразвитой. Право должно служить опорой в деле наведения порядка в сфере научного творчества, но этого не происходит. Автор, укравший кусок чужого текста или научную идею, никак не обнаруживается нашим правом. Ситуация настолько запутанна, что ученым пришлось изобрести новый термин, по сути, эвфемизм: «некорректное заимствование», поскольку назвать такого автора-похитителя «плагиатором» оказалось фактически невозможным. Правовое положение вузовского преподавателя в новых условиях являет собой обширное «непаханое поле» для ученых-правоведов.

Принципиальное отличие современной ситуации в исследовании социально-экономического и правового положения вузовских преподавателей заключается в том, что на сегодняшний день существует необходимость соотносить его с исследованиями российского общества в целом. Если еще в начале 2000-х гг. никаких достойных внимания общих концепций создано еще не было, то теперь в этом направлении сделаны значительные успехи. В условиях, когда стратификация российского общества относительно устоялась, когда бывшие статусные позиции преподавателей постепенно начинают забываться, складывается совершенно новая ситуация, которая еще ждет своих исследователей.

Пристатейный библиографический список

1. Воронин, В. В. Педагог и врач как субъекты получения взятки: взгляд против // Уголовный процесс. – 2005. – № 9. – С. 11–15.
2. Котляров, И. Д. Негативные следствия роста экономики услуг // Известия вузов. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. – 2013. – № 2. – С. 83–90.

¹ См.: Котляров И. Д. Проблема этики научных публикаций // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 6. С. 85–89.

3. Лейбович, О. Л. Преподаватель вуза: кризис идентичности // Высшее образование в России. – 2007. – № 2. – С. 49–61.

4. Тихонова, Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. – М. : Новый хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014. – 418 с.

5. Харчева, В. Г. Высшая школа в зеркале социологии / В. Г. Харчева, Ф. Э. Шереги // Социологические исследования. – 1994. – № 12. – С. 41–50.

References

1. Harcheva, V. G. Vysshaja shkola v zerkale sociologii [Higher Education in the Mirror of Sociology] / V. G. Harcheva, F. Je. Sheregi // Sociologicheskie issledovanija. – 1994. – № 12. – P. 41–50.

2. Kotljarov, I. D. Negativnye sledstviya rosta jekonomiki uslug [Negative Consequences of the Rise of Economics of the Service Sphere] // Izvestija VUZov. Ser.: Jekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom. – 2013. – № 2. – P. 83–90.

3. Lejbovich, O. L. Prepodavatel' vuza: krizis identichnosti [University Lecturer: Identity Crises] // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2007. – № 2. – P. 49–61.

4. Tikhonova, N. E. Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost' [Social Structure of the Russia: Theory and Reality] / N. E. Tikhonova. – М. : Novyj hronograf : In-t sociologii RAN, 2014. – 418 p.

5. Voronin, V. V. Pedagog i vrach kak subekty poluchenija vzjatki: vzgljad protiv [Teacher and Doctor as Objects of Getting Bribes: Point Against] // Criminal Process. – 2005. – № 9. – P. 11–15.